

12+

интервьюер

Мистическая антиутопия

Дмитрий Плынов

Дмитрий Плынов

Интервьюер

<https://litres.ru/74148898>

ISBN 9785006999763

Аннотация

В мире, где решения кажутся личным выбором, «Интервьюер» вскрывает невидимую архитектуру влияния. Гибрид романа-расследования и аналитического протокола превращает интервью в инструмент конструирования реальности: вопросы здесь не задаются — они завершают уже начатые решения. История специалиста по кризисным коммуникациям показывает, как сеть резонаторов переписывает политику и частную жизнь, сохраняя иллюзию свободы, а текст-эксперимент незаметно втягивает читателя в ту же систему согласия.

Содержание

ИНТЕРВЬЮЕР — МИСТИЧЕСКАЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Интервьюер

Дмитрий Плынов

Иллюстрации Nano Banana

© Дмитрий Плынов, 2026

ISBN 978-5-0069-9976-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИНТЕРВЬЮЕР — МИСТИЧЕСКАЯ АНТИУТОПИЯ

Глава 1

В Народной Федерации Росения новости редко удивляли. Они могли быть громкими, тревожными, даже пугающими — но не странными. У всего, что происходило, как правило, находилось объяснение: политическое, экономическое, человеческое. Случайностей почти не существовало, а если и существовали — их быстро вписывали в систему.

Поэтому сначала никто не заметил.

Это выглядело как череда несвязанных решений.

Воронцов вышел из здания без охраны.

Это было первое, что зафиксировали камеры.

Обычно его сопровождали минимум четыре человека — двое впереди, двое сзади. Машины подъезжали вплотную, двери открывались заранее, маршрут перекрывался. Всё бы-

ло отработано до автоматизма.

В этот раз он просто вышел.

Один.

Остановился на ступенях, будто на секунду забыл, куда идёт. Ветер слегка тронул его пальто. Он посмотрел вниз, на пустую площадь, затем куда-то в сторону — не на камеры, не на людей, а как будто мимо всего.

И пошёл.

Через сорок восемь часов его холдинг был продан.

Через семьдесят два — он исчез.

Официальная версия появилась быстро: «давление», «ре-структуризация», «личные обстоятельства».

Она звучала убедительно, пока не начали задавать лишние вопросы.

Почему он продал активы ниже рыночной стоимости?

Почему не вывел деньги заранее?

Почему не оставил ни одного комментария?

И главный вопрос, который никто не формулировал вслух:

почему это было похоже не на решение, а на завершение чего-то давно начатого?

Депутат Карелин всегда голосовал по линии фракции.

Не потому что боялся.

Потому что верил в систему.

Он был человеком структуры — из тех, кто не допускает внутреннего расхождения. Его выступления были чёткими, почти математическими. Он не импровизировал, не сомневался, не отклонялся.

В день голосования он выглядел так же.

Спокойный. Собранный. Предсказуемый.

Когда загорелось табло, он нажал кнопку «против».

Пауза в зале длилась меньше секунды, но успела стать осязаемой.

Карелин посмотрел на результат голосования, слегка кивнул — как будто проверил правильность вычисления — и откинулся на спинку кресла.

Позже он не стал оправдываться.

— Это было необходимо, — сказал он журналистам.

— Почему? — спросили его.

Карелин на мгновение замолчал.

— В какой-то момент это становится очевидно.

Фраза прозвучала странно.

Слишком обобщённо.

Слишком... не про него.

Лебедева строила свою репутацию пятнадцать лет.

Она была лицом общественного доверия — аккуратная,

выверенная, почти безупречная. Её выступления цитировали, её тексты разбирали, её имя ассоциировалось с устойчивостью.

Скандал произошёл в прямом эфире.

Она сама его создала.

В середине интервью она остановилась, посмотрела в камеру и начала говорить вещи, которые не просто разрушали её позицию — они делали её уязвимой, противоречивой, почти чужой самой себе.

Это длилось чуть больше трёх минут.

Потом она замолчала.

Улыбнулась — растерянно, как человек, который внезапно проснулся — и попросила воды.

Позже она скажет:

— Я давно это понимала. Просто... не формулировала.

И снова — та же интонация.

Как будто решение существовало до слов.

Первые, кто обратил внимание на совпадения, были не журналисты.

И не политики.

А те, кто работал с последствиями.

Ирина Савельева не смотрела новости ради новостей.

Её интересовали сбои.

Она открыла запись интервью Воронцова поздно вечером, когда город уже начал затихать. Свет от экрана отражался в стекле — за ним тянулись огни проспекта, ровные и почти гипнотические.

Видео было обычным.

Студия. Спокойный свет. Нейтральный фон.

Интервьюер — незнакомый.

Она остановила запись.

Вернулась на начало.

Посмотрела внимательнее.

Ничего особенного.

Слишком ничего.

— Кто это... — тихо сказала она, даже не ожидая ответа.

Имя в титрах ей ничего не дало.

Она попыталась вспомнить, видела ли его раньше — и поймала странное ощущение: как будто должна была помнить, но не может зацепиться ни за одну деталь.

Ирина нажала «пуск».

— Вы редко даёте интервью, — сказал он.

Голос был ровный. Почти пустой.

Она слушала.

Сначала как специалист.

Потом — медленнее.

На одной из реплик она поставила паузу.

Отмотала назад.

Прослушала ещё раз.

Ничего.

И всё-таки...

Она нахмурилась.

Снова включила.

На этот раз — не анализируя слова, а следя за переходами.

Где меняется ответ.

Где возникает пауза.

Где человек вдруг начинает говорить не то, что говорил секунду назад.

Когда интервью закончилось, Ирина не сразу выключила экран.

В комнате было тихо.

Слишком тихо.

Она поймала себя на мысли, которая возникла без видимой причины:

«В какой-то момент это становится очевидно».

И сразу же отстранилась от неё, как от чужой.

Нахмурилась.

Взяла телефон.

Открыла список контактов.

Нашла редактора канала, где вышло интервью.

Набрала.

— Слушай, — сказала она, когда тот ответил. — Кто у вас брал интервью у Воронцова?

Пауза.

— В смысле? — переспросил он.

— Журналист. Кто он?

Ещё одна пауза.

— Сейчас... секунду.

Шуршание.

Тихий звук клавиатуры.

— Странно, — сказал редактор. — Он не из наших.

— Тогда кто его пригласил?

— Не знаю... — он замолчал. — Подожди.

Пауза стала длиннее.

Слишком длинной для простого ответа.

— Слушай, — наконец сказал он. — Я помню, что это обсуждали. Но... не помню как решили.

Ирина не ответила.

Смотрела в тёмный экран.

— Такое бывает, — добавил он неуверенно.

— Нет, — сказала она тихо. — Не бывает.

Она положила трубку.

И только теперь впервые подумала:

это не ошибка.

Это система.

И где-то внутри неё есть человек,

который не задаёт вопросы —

а завершает чужие решения.

Глава 2

Дождь начался внезапно.

Крупные капли ударили по стеклу, размазывая огни вечернего города в длинные дрожащие линии. Машины замедлились, поток стал вязким, как будто сама улица сопротивлялась движению.

Ирина стояла у окна, не включая свет.

Телефон лежал на столе — экран погас, но ощущение разговора не исчезло. Пауза в голосе редактора всё ещё звучала в памяти. Неуверенная. Пустая. Неправильная.

Она резко отвернулась.

Вернулась к ноутбуку.

Открыла ещё одно интервью.

Карелин.

Та же студия. Тот же свет.

Тот же человек.

Теперь она смотрела иначе.

Не на смысл — на структуру.

— Вы всегда были последовательны в своих решениях?
— спросил интервьюер.

Карелин кивнул.

Ирина поставила паузу.

Перемотала на пару секунд назад.

Снова включила.

— Это ведь не возникает сразу... — продолжил голос. —
В какой-то момент просто становится невозможно иначе.

Стоп.

Вот.

Она приблизила звук, как будто это могло что-то изменить.

Слова были простыми. Слишком простыми.

Но переход...

Переход был незаметным.

Ирина быстро открыла блокнот и начала записывать:

«Вопрос → допущение → обобщение → неизбежность».

Она щёлкнула ручкой.

Снова включила.

Диалог шёл спокойно, почти лениво. Но в какой-то момент Карелин перестал отвечать — он начал соглашаться.

Не с интервьюером.

С самим собой.

Ирина резко закрыла ноутбук.

В комнате стало темно.

Только дождь — ровный, плотный, как шум помех.

— Нет, — сказала она вслух. — Так не работает.

Но внутри уже появилась другая мысль:

«А если работает?»

Она резко взяла телефон.

Следующий номер.

— Да? — ответили после второго гудка.

— Лебедева у вас сама вышла в эфир?

— В смысле? — голос был усталый, раздражённый.

— Кто организовывал интервью?

— Редакция, кто же ещё.

— Кто конкретно?

Пауза.

Короткая.

Слишком короткая — как будто ответ должен быть очевидным.

— Сейчас посмотрю.

Ирина закрыла глаза.

Она уже знала, что услышит.

— Слушай... — голос стал тише. — Тут странно.

— Насколько?

— Он... внештатный.

— Имя?

— Сейчас... секунду.

Шуршание.

Клики.

И снова пауза.

На этот раз — тяжёлая.

— Я его не помню, — сказал собеседник. — Вообще.

Ирина медленно выдохнула.

— Но он у вас работал?

— Судя по системе — да.

— А по памяти?

— Нет.

Дождь усилился.

Теперь он бил по стеклу с ритмом, почти совпадающим с пульсом.

— Пришли мне запись, — сказала она.

— Уже.

Звук уведомления.

Она открыла файл.

На секунду замерла.

Нажала «пуск».

Новый кабинет.

Не студия.

Мягкий свет. Тёмное дерево. Книги — не для чтения, а для статуса.

Лебедева сидела чуть напряжённее, чем в прошлый раз. Плечи приподняты, взгляд слишком прямой.

Интервьюер — напротив.

Он не менялся.

То же лицо, которое невозможно запомнить.

Та же интонация — ровная, почти лишённая веса.

— Вы много говорите о прозрачности, — сказал он.

— Это основа доверия, — ответила она.

— Это ведь не сразу становится принципом.

Лёгкая пауза.

Лебедева моргнула.

— Нет. Конечно.

— В какой-то момент это просто перестаёт быть выбором?

Ирина почувствовала, как напряглись пальцы.

Она даже не заметила, когда сжала их.

— Да, — сказала Лебедева. — Именно так.

— И тогда приходится говорить вещи, которые раньше казались лишними.

Едва заметный вдох.

— Возможно.

— Или невозможными?

Пауза.

Короткая.

Но достаточная.

— ...да.

Ирина резко остановила видео.

Сердце билось быстрее.

Она прокрутила назад.

Снова включила.

Теперь она смотрела только на Лебедеву.

На микродвижения.

На момент, где лицо меняется — совсем чуть-чуть, но необратимо.

Как будто внутри щёлкает переключатель.

Ирина прошептала:

— Вот ты где...

Она откинулась на спинку кресла.

Потолок был тёмным, почти чёрным.

Мысли двигались быстро, но выстраивались в чёткую линию.

Это не интервью.

Не разговор.

И даже не влияние.

Это...

Она не успела закончить.

Телефон снова зазвонил.

Номер был незнакомый.

Ирина смотрела на экран дольше, чем обычно.

Потом ответила.

— Ирина Савельева?

Голос был спокойный.

Нейтральный.

Почти пустой.

Она замерла.

— Да.

Короткая пауза.

— Я хотел бы взять у вас интервью. Для научного журнала.

Дождь за окном вдруг стал тише.

Или ей так показалось.

— О чём? — спросила она.

— О моменте, когда анализ перестаёт быть наблюдением.

Пауза.

Слишком точная формулировка.

— И становится чем? — медленно сказала она.

— Решением.

Тишина.

Ирина почувствовала, как внутри поднимается странное, холодное внимание.

Как перед чем-то важным.

— Вы уже работали с моими кейсами, — добавил голос.

Не вопрос.

Факт.

Она не ответила.

— Завтра, — сказал он. — Десять утра.

И назвал адрес.

Связь оборвалась.

Ирина продолжала держать телефон у уха.

Несколько секунд.

Потом медленно опустила руку.

И впервые за всё время не попыталась ничего записать.

Только подумала:

«Он не предлагает».

Пауза.

«Он уже решил».

И где-то глубже, почти незаметно:

«И я согласилась».

Глава 3

Утро было сухим и холодным.

Дождь исчез так же внезапно, как начался, оставив после себя чистое небо и слишком резкий свет. Город выглядел вымытым — контуры зданий стали чётче, тени глубже, движения — быстрее.

Ирина пришла раньше.

Она всегда приходила раньше.

Здание находилось в тихом квартале — стекло, бетон, минимум вывесок. На входе — ни логотипов, ни названий, только электронная панель и охрана, которая не задаёт лишних вопросов.

Такие места она знала хорошо.

Здесь обычно принимали тех, кто влиял на решения, но не появлялся в новостях.

— Савельева, — коротко сказала она.

Охранник кивнул, уже глядя в экран.

— Вас ожидают.

Лифт поднял её на девятый этаж.

Пока двери закрывались, она автоматически проверила телефон: уведомления, почта, два пропущенных от клиента — кризисный кейс, нефтяная компания, внутренний конфликт.

Она мысленно отметила: позже.

Сейчас — другое.

Кабинет оказался неожиданно простым.

Стол. Два кресла. Окно в пол. Никакой демонстративной статусности — только функциональность.

Он уже был там.

Сидел так, будто находился здесь давно.

Ирина остановилась на секунду, прежде чем подойти.

Лицо.

Она попыталась зацепиться за детали — черты, возраст, выражение — и снова почувствовала это странное скольжение внимания.

Как будто взгляд не фиксируется.

— Ирина Савельева, — сказал он.

Не вопрос.

Она кивнула.

— Вы просили интервью.

— Да.

Он указал на кресло.

Она села.

Положила телефон экраном вниз.

— Для какого издания? — спросила она.

— «Журнал прикладной когнитивистики», — ответил он.

Название прозвучало правдоподобно.

Даже слишком.

Она знала этот журнал. Узкий, профессиональный, с аудиторией из исследователей и практиков. Там публиковали

тексты о влиянии, восприятии, моделях принятия решений.

Идеальное место.

— Они редко работают с внешними интервьюерами, — заметила она.

— В этот раз сделали исключение.

Пауза.

Он не объяснял.

Она отметила это.

— Хорошо, — сказала Ирина. — Тогда уточним рамку. Это научное интервью или прикладное?

— Пограничное.

Он слегка наклонил голову.

— Как и ваша работа.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Вы знакомы с моими исследованиями?

— С результатами.

Коротко.

Без уточнений.

Ирина чуть сдвинулась в кресле.

— Тогда вы понимаете, что я не занимаюсь «влиянием» в популярном смысле, — сказала она. — Я работаю с архитектурой коммуникации. С тем, как формируется решение до того, как человек его осознаёт.

— Да, — ответил он. — В какой-то момент решение уже есть. Просто без формулировки.

Пауза.

Слишком точное попадание.

— Это упрощение, — сказала она.

— Это наблюдение.

Он не спорил.

Он фиксировал.

Ирина на секунду замолчала.

Потом кивнула.

— Хорошо. Задавайте вопросы.

Он не достал ни блокнот, ни устройство записи.

Просто посмотрел на неё.

— Когда вы впервые заметили, что анализ влияет на результат?

Она чуть усмехнулась.

— Это базовая ошибка наблюдателя. Любое присутствие меняет систему.

— Когда это стало для вас не теорией?

Пауза.

Ирина отвела взгляд в сторону окна.

Свет был слишком ярким.

— Несколько лет назад, — сказала она. — Один кейс. Политическая кампания. Мы корректировали риторику — и в какой-то момент кандидат начал принимать решения быстрее, чем мы успевали их просчитать.

— То есть изменения начались до рекомендаций?

— Скорее... параллельно.

— Или раньше?

Она посмотрела на него.

На долю секунды.

— Возможно.

Тишина.

Он не двигался.

— И тогда возникает вопрос, — сказал он спокойно. —

Вы описываете процесс или участвуете в нём?

— Это некорректное разделение.

— Обычно да.

Пауза.

— Но в какой-то момент оно перестаёт работать.

Ирина почувствовала лёгкое напряжение.

Не внешнее.

Внутреннее.

Как будто разговор начал смещаться.

— Вы подводите к тому, что аналитик становится фактором, — сказала она.

— Вы уже это сказали.

Он чуть наклонился вперёд.

— В какой момент это стало для вас решением, а не наблюдением?

Вот.

Фраза легла точно.

Слишком точно.

Ирина открыла рот, чтобы ответить — и остановилась.

Мысль возникла.

Готовая.

Цельная.

Но она не помнила, чтобы формулировала её раньше.

— Когда стало невозможно не вмешиваться, — сказала она медленно.

И сразу же нахмурилась.

Он кивнул.

Как будто это и было нужно.

— И сейчас вы работаете в этой точке?

— В какой?

— Где уже нельзя не вмешиваться.

Пауза.

Длиннее, чем нужно.

Ирина почувствовала, как внимание начинает «сужаться».

Как будто лишние детали исчезают.

Остаётся только разговор.

— Это часть работы, — сказала она.

— Это решение.

Тихо.

Без давления.

Она вдохнула глубже.

Чуть откинулась назад.

Контроль вернулся.

Резко.

Как щелчок.

— Достаточно, — сказала она.

Он остановился.

Сразу.

Без сопротивления.

Секунда тишины.

Они смотрели друг на друга.

И впервые за всё время она почувствовала:

он её не ведёт.

Он проверяет.

— На этом закончим, — сказал он.

Без объяснений.

Встал.

Она тоже поднялась, почти автоматически.

— Материал пришлёте на согласование? — спросила она.

— Нет.

Ответ прозвучал спокойно.

— Тогда как...

— Вы уже ответили.

Пауза.

И он вышел.

Просто вышел.

Дверь закрылась тихо.

Ирина осталась одна.

Несколько секунд она стояла неподвижно.

Потом резко взяла телефон.

Открыла контакты.

Нашла редакцию.

«Журнал прикладной когнитивистики».

Она звонила им вчера.

Они подтвердили интервью.

Чётко. Спокойно. Без сомнений.

Гудок.

Второй.

— Редакция, здравствуйте.

— Добрый день. Это Савельева. Уточните, пожалуйста — кто у вас брал у меня интервью сегодня?

Пауза.

— Простите... какое интервью?

Ирина замерла.

— Сегодня. По вашей линии. Внештатный журналист.

— У нас сегодня не было интервью с вами.

— Было.

Тишина.

Слышно, как на том конце кто-то листает, проверяет.

— Я не вижу такого в системе.

— Проверьте внимательнее.

— Я проверяю.

Пауза.

Длинная.

— Нет, — сказал голос. — Ничего нет.

Ирина медленно опустила руку.

Телефон всё ещё был у уха.

— Вы вчера подтверждали, — сказала она тихо.

— Вчера? — переспросили там. — С кем вы говорили?

Она не ответила.

Потому что вдруг поняла:

она не помнит.

Не голос.

Не имя.

Ничего.

Только факт разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.